

ПРОФЕССИЯ — АРХЕОЛОГ

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – выпускница НГУ 1978 г. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), профессор. Лауреат Государственной премии РФ (2004), лауреат Национальной премии «Достояние поколений». Член редколлегии и редсоветов научных журналов «Археология», этнография и антропология Евразии», *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*, член-корреспондент Германского археологического института, почетный доктор Института археологии Монголии. Специалист в области археологии и древней истории Сибири. Широко известны ее исследования «замерзших» могил пазырыкской культуры в 1990-х гг. на плато Укок в Горном Алтае. В настоящее время под руководством Н.В. Полосьмак проводятся археологические работы в Северной Монголии в рамках большого проекта по изучению культуры хунну – создателей первой в мире кочевой империи. Автор и соавтор более 130 научных работ, в том числе 12 монографий

Одна очень умная и странная женщина, французская писательница и философ Симона Вейль однажды сказала: «Откуда придет к нам возрождение, к нам, загрязнившим и опустошившим весь земной шар? Только из прошлого, если мы его полюбили...»

Вещи переживают людей – и надолго: могут проходить тысячелетия, а вещь будет оставаться «живой». И когда мы впервые соприкасаемся с прошлым в буквальном смысле этого слова, с нами происходит нечто очень важное – мы получаем послание прошедших эпох, даже если в этот момент не осознаем этого. Вещи переживают людей, чтобы рассказать нам о своих владельцах, – в этом их великая миссия. Ведь никто из тех, кто многие века обживал нашу планету, не хотел быть забытым. Они оставляли после себя маленькие поселения и города, ирригационные каналы и крепостные валы, таинственные каменные выкладки и могилы, драгоценные украшения и керамическую посуду и многое-многое другое, неведомое нам. Поэтому главная цель исследователя – помочь древним вещам и памятникам «заговорить», восстановить с их помощью нити, ведущие в прошлое и связывающие нас с нашими предшественниками на Земле;

Тетрадь по письму ученицы 1-го класса школы интерна в Барнауле Полосьмак Натальи

<https://scfh.ru/papers/professiya-arkheolog>

Алексей Павлович Окладников.
Из архива В. Мильникова

осознать, наконец, что наше современное общество со всеми его проблемами и достижениями всего лишь одна из страниц Истории, скорее даже небольшой абзац на странице.

У археолога свой взгляд на материальных свидетелей прошлого. До раскопок «замерзших» погребений пазырыкского Укока я работала в Барабинской степи, где наши находки были не столь эффектны, как на Алтае, – в основном сотни фрагментов керамики и немногочисленные предметы древнего искусства. Но радость открытия того, что до тебя никто не видел и к чему ты прикоснулся первым после тех, кто много веков назад пользовался этими вещами, была огромной! Самая обычная, на первый взгляд, вещь может многое поведать. Это хорошо понимают люди творческие, даже далекие от археологии: «...Кто умеет видеть, тот даже по ручке дверного молотка сумеет восстановить дух века и облик короля», – писал Виктор Гюго.

Магия личности

Стать археологом не было моей детской мечтой. Впервые с этим миром я познакомилась совершенно случайно, когда в девятом классе вместе с другими школьниками работала в алтайских степях на раскопках сросткинской культуры, проводимых московским Институтом археологии АН СССР. Когда взяла в руки свои первые маленькие находки – «пропала», и чисто детское любопытство сменилось пониманием: я хочу этим заниматься. Я увидела, что совсем рядом, буквально у нас под ногами существует и живет по своим законам таинственный мир прошлого. И если эпоха великих географических открытий уже позади, то великие исторические открытия еще ждут нас, потому что Земля сохранила все, что из века в век оставлял на ней человек.

Мы жили рядом с Барнаулом в поселке, построенном в лесу вокруг крупного военного завода. Поселок чем-то походил на Академгородок, там была прекрасная школа с умными, любящими свою профессию учителями, лучший в городе бассейн, замечательная библиотека, где на полках стояли прижизненные издания Циолковского, а в каких-то старых потрясающих книгах встречались невероятные стихи, которые до сих пор я так и не могу найти... После окончания такой «поселковой» школы я поступила на гуманитарный факультет Новосибирского университета.

Почему выбор пал на НГУ – ведь в то время здесь в отличие от Московского университета не было отделения археологии? Ответ один – Окладников. В то время это был самый известный в Советском Союзе археолог. Его имя было у всех на слуху, мы зачитывались его книгами... В самой его личности было что-то такое необычное и обаятельное, что привлекало и завораживало людей, никогда в жизни с ним не встречавшихся. Тем более что Алексей Павлович занимался историей Сибири – края, где мы жили. Магия его личности объяснялась еще и тем, что он был не просто известен, но всемирно известен: для нас он был одним из замкнутой касты «небожителей», человеком, олицетворяющим собой всю археологию мира.

Сегодня абитуриенты выбирают факультет – мы тогда выбирали имя. Шли к человеку, от которого мечтали многое услышать и узнать, многому научиться. И хотя, как оказалось впоследствии, Окладников не преподавал в НГУ, выбор оказался верным: он возглавлял институт, куда я попала на практику сразу после первого курса. Уже тогда я поняла, что в университете нужно получать знания, фундаментальную базу, но профессию... Профессию может дать только научно-исследовательский институт, где ты будешь на равных включен в реальную работу.

Гуманитарное воспитание

Когда я поступала в Новосибирский университет на отделение истории, я уже точно знала, что хочу быть археологом, о чем сообщила на первом же собеседовании. Реакция приемной комиссии на мой выбор была явно скептической, тем не менее я стала единственной девушкой на курсе, которая специализировалась по археологии. Кроме меня был еще один археолог – Виктор Добжанский. (Удивительно, но сейчас ситуация поменялась кардинально: в этом году на отделение археологии поступили одни девушки – археология стала просто какой-то девичьей мечтой.)

В моем университетском дипломе записано «историк», а не «археолог», и это точно отражает сильные стороны гуманитарного образования, которое давал НГУ в середине 1970-х гг. Известный ученый и писатель Н. Я. Эйдельман читал нам спецкурс о декабристах, Окладников однажды привез знаменитого немецкого этнографа и археолога К. Йетмара с лекцией о его исследованиях в Гиндукуше, а в Доме ученых, сидя на лестнице в проходе переполненного зала, можно было услышать самого Льва Николаевича Гумилева, который рассказывал о своей теории пассионарности – и весь зал конспектировал!

Но и наши преподаватели в НГУ были людьми необычными, каждый со своей непростой судьбой,

Когда пещера была маленькой...
Алтай. Денисова пещера, предвходовая часть. 1977 г.

НАУКА из первых рук - <https://scfh.ru/papers/professiya-arkheolog/>

С Наташей Пузыниной – первой ученицей.
Бараба. Могильник Сопка. 1981 г.

способные навсегда поразить воображение вчерашних школьников. Сейчас я понимаю, как много взяла от учителей: и навыки по структурированию материала, и манеру его изложения, и привычку тщательно изучать все источники по теме, прежде чем написать что-то свое... И вот это последнее – самое главное. Ведь все наши преподаватели были известными учеными, у каждого уже были написаны множество книг и статей. На семинарах и в курсовых работах ценился не подбор цитат, а самостоятельные выводы и рассуждения, ценилось новое.

И хотя преподаватели различались характерами, научными взглядами и подходом к обучению, их объединяло одно – умение внушить студентам любовь к своему предмету. Чего стоили, к примеру, лекции Н. Н. Покровского по истории России или Н. В. Ревякиной по истории средних веков! Несколько раз мне даже приходила в голову шальная мысль начать специализироваться по средневековью. И до сих пор я покупаю и читаю всю литературу об этой эпохе – просто потому, что не могу пройти мимо и хочу все знать. Эта любовь привита навек.

Ура! Мы едем в экспедицию! Академгородок. Май 1980 г.

Полевые семестры

После первого курса у гуманитариев была археологическая практика, обязательная для всех. И волею судьбы мы с Добжанским попали в отряд к В. И. Молодину, тогда очень молодому (всего 25 лет) кандидату наук. Экспедиция была не куда-нибудь, а в зону затопления Усть-Илимской ГЭС... Тайга, гнус, раскопки старинного острога; рядом – совершенно особый, интересный народ, строители будущей ГЭС. Ребята, с которыми я встретила в экспедиции, стали моими лучшими друзьями на всю жизнь.

Может быть, в другом месте все сложилось бы иначе, но здесь я увидела людей потрясающе увлеченных, трудолюбивых, дружных, отзывчивых, у которых было чему поучиться. Когда наш начальник о чем-то рассуждал над открытым слоем, я думала: «Господи, я никогда в жизни так не смогу –

что там можно вообще увидеть?!» Это было потрясение, чудо из чудес, восхищение профессионализмом. Я мечтала, что когда-нибудь тоже смогу вот так стоять над раскопом и понимать, что в нем скрывается. К концу экспедиции я уже точно знала, что эта работа – все, чего я хочу в жизни.

...Оглядываясь на свои студенческие годы, до сих пор искренне поражаюсь отношению преподавателей и руководства факультета к нам, двум единственным на курсе археологам. Нам шли навстречу буквально во всем, что касалось профессиональных надобностей и интересов. Начиная со второго курса нам позволяли сдавать сессию досрочно. В мае я уезжала на полевую практику и возвращалась только к октябрю – родители уже начинали разыскивать меня через деканат.

И никто из руководства факультета и преподавателей не упрекал за опоздание к началу учебного года. В деканате были свято уверены, что если студент способен наверстать пропущенный материал без ущерба для успеваемости, то не следует мешать его профессиональной подготовке. Такая уникальная ситуация, когда драгоценное время, необходимое для специализации, университет ценит и уважает не меньше, чем сам студент, вряд ли могла иметь место где-нибудь еще.

В результате я получила бесценный полевой опыт, успев во время учебы побывать на раскопках на Алтае, в Восточной Сибири, в Хакасии. После третьего курса университета руководила уже собственными раскопками, что тогда было большой честью, а сегодня попросту невозможно.

А бесконечные научные студенческие конференции, региональные и всесоюзные, на которые я ездила начиная со второго курса и которые оплачивались университетом! Москва, Свердловск, Сыктывкар, Кемерово, Барнаул – где мы только

День рождения Лурдес Домингес – кубинского археолога (стоит рядом с автором этих строк). Сидят – Олег Софеев, Лена Коханова, Света Демина и Пит (как всегда, в центре событий). Бараба. 1978 г.

ни побывали! На этих конференциях мы проверяли себя, учились рассказывать о своих результатах, узнавали, кто, что и где раскапывает, знакомились... Многие из ребят остались в профессии, стали известными археологами, написали замечательные книги. Наш мир уже тогда был тесен, таким он остается и сейчас.

Между экспедициями много времени мы проводили в Институте археологии СО РАН (тогда Институте истории, филологии и философии). Наше место – чердак нынешнего Института экономики, бывшее хранилище и реставрационный центр, где перебирали, склеивали, рисовали и описывали целые горы найденной на раскопках керамики – самого «говорящего» исторического материала. Керамика – как древние письмена, и уметь их «читать на кончиках пальцев» должен любой образованный археолог. А при ее зарисовке открывается еще

больше информации: свои статьи я иллюстрировала сама, тщательно зарисовывая все фрагменты.

Дипломную работу я написала по бронзовому веку Барабинской степи на основе собственного материала, который удалось получить за годы студенческих раскопок. Мне очень везло в том, что на каждом жизненном этапе, как по волшебству, вдруг появлялся человек, благодаря общению с которым я начинала расти. Тогда, в студенческие годы, таким человеком оказалась Айна Петровна Погожева – москвичка, археолог, занимающаяся одной из самых загадочных и красивых культур эпохи бронзы – трипольской. У нее за спиной было множество экспедиций, проходивших в самых разных местах, исследовавших самые разные эпохи. Я помню холодные весенние ночи на Кара-Тенеше в Горном Алтае, когда мы сидели у костра под колючим от звезд

небом, а она рассказывала о раскопках пещерного буддийского храма где-то в районе Термеза и об исследовании знаменитых Бешатырских курганов в Казахстане с их системой подземных ходов и многое-многое другое, о чем можно писать целую книгу. Благодаря ей археология приобрела для меня тот таинственный смысл, без которого, как я сейчас уже понимаю, трудно связать т. н. артефакты и людей, которые их создавали и которым они принадлежали. Перефразируя Б. Рассела, можно сказать, что без признания того, что существует реальность, выходящая за пределы повседневной тривиальности, невозможно сделать что-то значимое.

Петербургский ренессанс

Начало самостоятельной научной жизни оказалось непростым. Попастъ в аспирантуру было трудно: это давало гарантию получения места в научно-исследовательском институте, что тогда вообще было счастьем и большой честью. И поэтому в аспирантуру просто так не брали. Для женщины же путь в наш археологический институт был практически закрыт.

Поэтому после окончания университета я работала по хозяйственным темам в Средне-Енисейской комплексной экспедиции при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. По договору – это значит практически без заработка, причем каждые три месяца тебя увольняют и снова нанимают. Как следствие – проблемы с пропиской и жильем.

Так продолжалось три года. А потом была аспирантура – уже в самом Ленинграде. В то время в Археологическом институте был мощный по своему составу сибирский сектор (достаточно назвать имена таких известных ученых, как М. П. Грязнов, Д. Г. Савинов, Г. Максименко, Э. Б. Вадецкая, М. П. Пшеницына, Г. В. Длужневская), поэтому я со своей тематикой по раннему железному веку Барабы хорошо туда вписалась.

Это было незабываемое время – Ленинград кого угодно околдует. Мне в Сибири до сих пор не хватает его архитектуры – старинных особняков и дворцов, соборов и театров. В те годы город еще не был изуродован рекламой и новоделом, и если идти по Невскому и скользить взглядом по верхним этажам, легко можно было представить себя в Санкт-Петербурге XIX века или Питере начала 1920-х.

Эрмитаж был местом, куда я ходила как на работу, причем не только в его парадные залы, но и в скрытые от глаз фонды, где хранились настоящие археологические сокровища. А чего стоила одна библиотека в Институте археологии, который сам располагался во дворце, – маленький зал, обшитый дубовыми панелями, и окно, которое выходило прямо на Петропавловку, где в полдень грохотала пушка...

В Ленинграде я близко познакомилась с востоковедами; ходила на лекции к ученым, о которых раньше мне доводилось только слышать... Это были не просто другие люди – другая археология, далеко выходящая за рамки какой-нибудь узко специализированной «бронзы» маленького района. И опять новые люди, новые друзья...

Мне посчастливилось познакомиться с Дмитрием Глебовичем Савиновым, одним из самых замечательных ученых энциклопедического знания. Он, будучи известным археологом, читал курс этнографии в Ленинградском университете, и на его лекции собирались не только гуманитарии. Гуляя вдоль Крюкова канала, мы обсуждали с ним практически нереальные возможности дальнейшего изучения фантастической по своей красоте пазырыкской культуры Горного Алтая. Так что начало «пазырыкского» этапа в моей жизни – это, конечно, Ленинград, Эрмитаж и Дмитрий Глебович.

На плечах гигантов

После защиты диссертации судьба снова привела меня в Новосибирск, уже в статусе кандидата наук.

И здесь мне опять повезло. Сначала был пазырыкский Укок и раскопки курганов этой единственной в мире культуры с «замерзшими» могилами. Теперь – курганы хунну в Северной Монголии, предметами из которых, обнаруженными экспедицией Козлова, как и пазырыкскими находками Руденко, я любовалась в Эрмитаже.

Все сбылось. Хотя нельзя забывать, что со своими новыми методами и новыми возможностями мы всего лишь шли по следам первооткрывателей: все культуры, которыми пришлось заниматься, – и пазырыкцы, и хунну – были открыты задолго до наших раскопок. Несмотря на это, результаты, которые мы получили, оставили чувство глубокого удовлетворения. Почему?

Есть новые памятники и предметы, открытые нами, и есть те, которые были найдены давно, но которым мы задаем вопросы. Сейчас вопросов мы можем задать намного больше, чем первооткрыватели. Время накладывает заметный отпечаток на гуманитарную науку. Она уже не мыслится без междисциплинарного подхода. Неизмеримо расширились наши исследовательские возможности. Растет объем информации, которую мы получаем от археологических памятников. И в этом смысле нам действительно удалось продвинуться в изучении ранее открытых древних культур, найти подтверждения многим уже высказанным предположениям и, главное, выдвинуть новые. К тому же история людей, которой мы занимаемся здесь, в Сибири, простирается далеко за пределы нашего региона – в Китай, Иран, Тибет, Индию – на огромные территории, объединенные в один исторический узел кочевым миром. Постороннему человеку может показаться, что подобные метания

Конец сезона – это видно по лицам. Сидят – Таня Кумец, Виктор Добжанский, Вячеслав Молодин, Александр Соловьев. Стоят – Костя Самойлов, Олег Сентябов, Наталья Полосьмак. Томская писаница. 1977 г.

мысли довольно хаотичны, но все наши исследования лежат в русле одного направления, логически выверенного и базирующегося на точном знании.

Но, конечно, осталась еще одна мечта – открыть что-то совершенно новое, никем и никогда невиданное. И если бы современный мир был немного добрее... Но в китайском Синьцзяне – беспорядки; Афганистан воюет, Иран практически закрыт для серьезных археологических исследований; события в Лхасе не прибавляют оптимизма... Получить разрешение на раскопки в подобных местах сегодня очень сложно, но хочется верить, что трудности эти преодолимы – и есть примеры, когда российские экспедиции в начале века успешно работали и в гораздо более трудных условиях, преодолевали значительно более серьезные препятствия. Надо просто терпеливо ждать своего часа.

Командный успех

Никакое археологическое исследование не может быть успешным без команды. Успехом в исследовании памятников пазырыкской культуры я во многом обязана своему отряду. Уже после первого сезона в 1991-м студенты из Новосибирского пединститута, составившие костяк отряда, – Антон Лучанский, Саша Павлов, Костя Банников, Лена Кузнецова и другие

ребята – были околдованы Укоком и стали ездить туда каждый год.

Они проработали со мной на этом высокогорном плато многие полевые сезоны. И ту работу, которую ребята проделывали в рекордные сроки и в самых экстремальных условиях, я иначе как подвигом назвать не могу. В этом смысле у меня и сегодня ничего не изменилось. Моя нынешняя команда – Женя Богданов и Людмила Петровна Кундо – такие же беззаветно преданные профессии люди. Пять месяцев, с мая до поздней осени, мы провели на раскопках 20-го Ноин-Улинского кургана в Монголии, и мне ни разу не пришлось услышать от них сакральную фразу: «Когда же мы наконец уедем отсюда?» И это всегда удивляло наших монгольских коллег, утверждавших, что российские археологи проводят в поле больше времени, чем все другие иностранные экспедиции, вместе взятые. Но профессия – это ведь образ жизни...

Большие удачи должны многому научить – например, ставить высокую планку и уже в соответствии с ней формулировать новые задачи... Это естественно – ведь человек растет в зависимости от целей, которые перед собой ставит. И последние должны быть всегда немного больше твоих сил – иного способа двигаться вперед не существует.